

УДК 792.071(929)(47+57)
ББК 85.334.3(2)6-8
С44

С44 **Скореходов, Глеб Анатольевич.**
Мои королевы : Раневская, Зелёная, Пельтцер / Глеб Скореходов. — Москва : Алгоритм, 2016. — 208 с. — (Я помню ее такой...).

ISBN 978-5-906842-20-6

Говорят, призвание смешить и не быть посмешищем дано единицам. Фаина Раневская, Рина Зелёная, Татьяна Пельтцер умели вызывать и добрые улыбки, и залихватский смех. А могли заставить и надолго замолчать в раздумьях... Образы, сыгранные этими блистательными комедийными актрисами, всегда будут вызывать восхищение. Фразы из фильмов, которые они придумывали прямо на съемочной площадке, становились крылатыми.

Гениальная Фаина Раневская превратила в театрализованную трагикомедию даже собственную жизнь. Неповторимую Рину Зелёную помнят и любят по ролям черепахи Тортиллы в «Приключениях Буратино», миссис Хадсон в «Шерлоке Холмсе» и огромному количеству эпизодических, но запоминающихся ролей. Неувядающая Татьяна Пельтцер называла себя «счастливой старухой». В этом была ее жизненная правда: в семьдесят пять, играя самых разных старушек, она прыгала с забора, танцевала на кровле дома, каталась на крыше троллейбуса.

Их творческие биографии известны вроде бы вдоль и поперек. Тем ценнее для читателя будут наблюдения современника этих великих актрис, Глеба Скореходова, лично знавшего каждую.

УДК 792.071(929)(47+57)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-906842-20-6

© Скореходов Г.А., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Я ПОМНЮ ЕЕ ТАКОЙ...

Скороходов Глеб Анатольевич

МОИ КОРОЛЕВЫ: РАНЕВСКАЯ, ЗЕЛЁНАЯ, ПЕЛЬЦЕР

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художественный редактор *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.01.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906842-20-6

9 785906 842206 >

СОДЕРЖАНИЕ

Фаина Раневская. Королева комедий рассказывает... . . . 6
Рина Зелёная. Из породы клоунов 162
Татьяна Пельцер. Не только комическая старуха . . . 190

Фаина Раневская

КОРОЛЕВА КОМЕДИЙ РАССКАЗЫВАЕТ...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор хотел бы предупредить любезных читателей, что книга, которую вы открыли, хотя по форме и похожа на дневник, дневником ни в коем случае не является. Автор фиксировал свои впечатления, рассказы героини книги и диалоги с ней от случая к случаю. И делал это на протяжении пяти лет. Одно, без сомнения, объединяет все рассказанное в книге, — она посвящена актрисе, которую те, кто видел, забыть не смогут. Актрисе, о которой при ее жизни слагались легенды, а после ее смерти ей и по сей день приписывают все новые и новые изречения, будто она не играла в кино и театре, а сидела где-то в капище и всю жизнь, как пифия, изрекала мудрые мысли и предсказания.

И не только. Об этой актрисе уже сложили и продолжают слагать десятки анекдотов, якобы случившихся с ней. Очевидно, ее характер, образ мыслей, восприятие окружающего дают повод для такого мифотворчества. И если она не стала фольклорным персонажем вроде Василия Ивановича Чапаева, то, думаю, оттого, что ее собственное творчество оказывается сильнее мифа.

Это актриса на все времена — Фаина Григорьевна Раневская.

«Талант ~ это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности».
(Фаина Раневская)

Она действительно была человек необычный. Необычность ее начинается с имени-отчества. В ее паспорте значилось: «Фаина Григорьевна Раневская», но в жизни ее чаще всего называли Фаиной Георгиевной Раневской. И устно, и письменно.

— Почему? — спросил я.

— Может, мне хотят польстить? Ведь Гришка — Отрепьев, а Георгий — Победоносец!

В книге Раневская почти всегда действует под инициалами «Ф. Г.»

ПРАВО ГЕНИЯ

Актерская психология мне представляется загадкой. Во всяком случае, объяснить ее, исходя из нормальной, повседневной логики, зачастую невозможно.

Ф. Г. вспомнила, как однажды пришла на обед к Качалову. Его дома еще не было — задержался на репетиции, — Раневскую встретила его жена. Через полчаса звонок. Входит Василий Иванович.

— Очень хорошо, что пришла, — говорит он Раневской. — Голодная? Сейчас же садимся.

Качалов поправил пенсне, подошел к буфету и налил себе рюмку.

— Ну-с, очень хорошо, хорошо.

— Вася, у тебя что-нибудь случилось? — тревожно спросила жена.

— Нет, Ниночка, ничего, все очень хорошо.

— Что хорошо?

— Сегодня Владимир Иванович Немирович-Данченко отказал мне от роли Вершинина — и это очень правильно.

— Как?! Ты не будешь играть Вершинина? Как это можно?! А будет играть Болдуман — он моложе меня.

— Ну что ты, Ниночка, — Василий Иванович протер пенсне, — все очень правильно. Вершинин молод, а я уже не то. Ну, разве можно в меня влюбиться? — он надел пенсне. — Ну, посмотри?

— Но ты же мечтал играть эту роль. Я буду звонить, я это так не оставлю, — нервничала жена.

— Ничего не надо делать, Ниночка. Пойми, все правильно: в новом спектакле Вершинина будет играть Болдуман — он моложе меня, в него можно влюбиться. Все правильно, Ниночка.

А однажды Ф. Г. в случайном разговоре вдруг сказала мне о «праве гения», которым она, к сожалению, не обладает, ибо к лику гениальных причислить себя не может.

— Свинство не позволяет, — пояснила она.

— Право гения на что? — не понял я.

— Изумительное право не играть, если актер этого не может, — улыбнулась она.

Ф. Г. рассказала, как однажды Федор Иванович Шаляпин вышел уже в гриме на сцену в опере «Вражья сила» Серова. Отзвучал оркестр — певец молчит. Дирижер повторил вступление еще раз, затем другой... Шаляпин обвел грустными глазами зал, покачал головой и ушел со сцены.

К нему в уборную влетел владелец оперы — Зимин:

— Федор Иванович, что же это?! Аншлаг — публика вне себя!

Шаляпин посмотрел на него и тихо сказал:

— Не могу. Тоска.

И затем обратился к секретарю с распоряжением выписать Зимину чек на покрытие убытков.

— Хорошо право гения, если оно подкрепляется чековой книжкой! — улыбнулся я.

— О, в наше время это право умерло — может быть, вместе с гениями... Я не помню случая, — продолжала Ф. Г., — чтобы спектакль отменили по моей вине. Случается, что играть не хочется, — ну вот просто нет сил выйти на сцену. И нет настроения, желания общаться с партнерами. Павла Леонтьевна Вульф меня учила: в таком случае ни за что не насилуй себя, не нажимай на педали — играй спокойно — и настроение появится. Пребывай в тех обстоятельствах, в которые тебя поставила пьеса, действуй в этих обстоятельствах, нужное творческое самочувствие придет.

С Раневской я встретился в ноябре 1964 года. До этого я видел ее несколько раз.

Впервые — в 1947 году на премьере «Весны» в Зеленом театре. Премьера прошла со средним успехом: фильм показался громоздким, утомительным, а порой (например, в бутафорских опытах с солнечной энергией) и скучным. Восторг вызвали, пожалуй, только сцены Раневской и Плятта, особенно знаменитый кульбит на лестнице, фразы Маргариты Львовны: «Я возьму с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе!», разговор по телефону: «Скорую помощь! Помощь скорую! Кто больной? Я больной. Лев Маргаритович. Маргарит Львович».

Кстати, и этот текст придумала сама Ф. Г. Когда Александров пригласил ее сниматься в «Весне», то в сценарии Маргарите Львовне отводился один эпизод: она подавала завтрак своей знаменитой племяннице.

— Можете сделать себе роль, — сказал Александров.

Именно персонаж Раневской и оказался наиболее интересным в этом фильме. И смешным тоже. А без смеха какая комедия?!

Фаина Раневская и Ростислав Плятт в фильме «Весна»

После премьеры зрители ринулись к актерам. Меня подхватила толпа, и вдруг я увидел Раневскую. Она стояла возле машины, почти у самого парапета Москвы-реки, испуганная и чем-то обеспокоенная. Я запомнил ее глаза: они не замечали мальчишек, орущих «Муля!», а смотрели поверх толпы, словно ища спасения.

Позже я узнал (Ф. Г. рассказала об этом), что все объяснялось просто: премьера затянулась, Ф. Г. безумно проголодалась, а где-то среди зрителей затерялась ее учитель и наставник Павла Леонтьевна Вульф, с которой она собиралась ехать ужинать.

В следующий раз я увидел Раневскую лет десять — пятнадцать спустя — в радиостудии на Центральном телеграфе. Она изменилась, постарела, хотя глаза оставались такими же — большими и немного испуганными, только теперь к тому же и грустными.

Катя Дыховичная (редактор «Театра у микрофона») тогда сказала, что Раневская только что записалась в сценах из спектакля «Деревья умирают стоя». Я поздравил актрису, поблагодарил ее и выразил надежду, что мы все (рядом стояло несколько редакторов) скоро услышим премьеру этой записи. Ф. Г. неожиданно заплакала и сквозь слезы призналась, что недовольна собой, что она так мало сделала.

Я в то время работал на радио в отделе советской прозы и, набравшись смелости, предложил:

— Фаина Григорьевна, а не хотели бы вы записать что-либо из советских писателей?

— Отчего же, можно, — согласилась она. — Можно и из советских: важно, чтобы материал был для меня. Я ведь не чтица, я не умею читать, я могу сыграть рассказ, понимаете?

Любовь к Раневской зрителей известна. Слабый фильм 1963 года «Осторожно, бабушка» вышел по посещаемости на первое место только потому, что в нем играла Раневская.

Дом актера устроил ее творческий вечер. Выступал Андроников — говорил хорошо, не выпуская из рук несколько листов бумаги, — и, хотя он почти не заглядывал в них, листки эти как бы свидетельствовали о серьезности речи, ее продуманности, отсутствии «юбилейного захлеба». Ираклий Луарсабович процитировал высказывание Рузвельта, посмотревшего в 1944 году «Мечту» (оно было напечатано в журнале «Лук»): «Мечта», Раневская — очень талантливо. На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская — блестящая трагическая актриса».

На вечере в ее честь, устроенном ВТО, Раневская вышла на сцену в самом конце вечера. Актеры ей преподнесли цветы, ВТО вынесло пышную корзину.

Ф.Г. кланялась, снова выходила на аплодисменты, тихо говорила «Спасибо, спасибо» и чувствовала себя, как она рассказала позже, отвратительно.

— Терпеть не могу юбилеев и чествований. Актер сидит как истукан, а вокруг него льют елей и бьют поклоны. Это никому не нужно. Актер должен играть. Что может быть отвратительней сидящей в кресле старухи, которой курят фимиам по поводу ее подагры. Такой юбилей — триумф во славу подагры. Хороший спектакль — вот лучший юбилей.

Ф. Г. сказала мне это в дни, когда театр настаивал (и безуспешно) на праздновании ее 70-летия.

А тогда, в ноябре шестьдесят четвертого, в редакции мне поручили готовить новогоднюю радиопередачу «Ве-

селе страницы». Я хотел построить ее на классике: Бабель, Зощенко, Ильф и Петров и, может быть, Катаев двадцатых годов. Стал думать об исполнителях. А что, если... Ведь Раневская обещала прочитать рассказы советских писателей.

Звоню Ф. Г.

— Я ведь вам сказала, — говорила она, — что я не читаю, мне нужно играть рассказ.

— Может быть, сами что-нибудь подберете?

— Хорошо, привозите рассказы. Я посмотрю. Все может быть.

Я объясняю, насколько все это важно и нужно и для радио, и для слушателей, и для меня, что Зощенко в новогодней передаче, да еще в исполнении Раневской, украсит всю программу.

— О нет! Только не торопите меня, — сказала Ф. Г. — Я посмотрю, выберу. Если найду возможным что-либо прочитать, тогда мы уж будем говорить о записи. В общем, привезите мне рассказы.

Я был рад несказанно. Товарищи по работе, в частности Катя Дыховичная, отнеслись к моей радости скептически. Катя говорила, что Раневская непременно откажется, а если и запишется, то потом может забраковать и запись, и самое себя.

— Ты не знаешь, как она относится к своей работе, — говорила Катя, — это тебе не Н. Н. записывать, который любой рассказ с листа читает.

На следующий же день я поехал к Ф. Г. На звонок вышла она сама — в черном до пят халате и с гардинной палкой в руках.

— Откуда вы? Что это? — удивилась она.

— Я с радио, — сказал я. — Это книга.

Кадр из фильма «Осторожно, бабушка!»

— Голубчик, как же так можно без звонка? У меня ремонт — я не могу принять вас.

— А я только привез вам рассказы. Я забежал по пути на работу, — соврал я. — А то ведь времени до Нового года остается не так уж много.

— Спасибо, спасибо, — сказала Ф. Г. — Извините меня, что не могу принять вас. Позвоните мне, пожалуйста.

Я начал звонить Ф. Г. И, очевидно, очень быстро успел надоест ей, ибо уже после второго или третьего звонка она сказала:

— Я выбрала кое-что. Если у вас есть желание и найдется время, приезжайте — я хотела бы прочитать вам, посоветоваться, подойдет ли это для вас. Когда вы сможете приехать?

— В любое удобное для вас время.

— Ну, приезжайте сегодня, сможете? — В тот же день я был у нее.

Рассматривать квартиру показалось неудобным. Стены были сплошь увешаны картинами, рисунками и фотографиями. Одно я успел заметить — нигде не фигурировала хозяйка. Простая, далеко не новая мебель — ее совсем немного: только самая необходимая или даже менее того. Но во всем чувствовался вкус и свой стиль, ненавязчивый, не бросающийся в глаза, не рассчитанный на восторг или неприятие. Запомнилось изобилие света — во всех комнатах горели все люстры, бра, настольные лампы и торшеры.

И хотя я пришел с деловым визитом, стеснение и неловкость поначалу не покидали меня. Но вот Ф. Г. заговорила, ее глаза смотрели внимательно и дружелюбно. Под этим взглядом, казалось, тысячу раз виденным с экрана, делалось легко, свободно и хотелось быть лучше.

Мы заговорили о Зощенко, его непростой судьбе, и я неожиданно для себя рассказал, как работал над главой о Михаиле Михайловиче для многотомной «Истории советской литературы», как не хватало мне живых свидетельств современников писателя.

— А вы не были знакомы с ним? — спросил я.

— Очень мало. Последний раз я его видела году в пятьдесят пятом. Он приехал в Москву и был в гостях у Пешковой — там, знаете, в горьковском доме на Малой Никитской. Был накрыт роскошный стол. Зощенко сидел очень печальный. Он раскланялся, и на лице его промелькнуло подобие улыбки. К еде он не притронулся.

Я не заметил, как пролетело два часа. Раневская прочла мне рассказ Зощенко «Пациентка» — о немолодой женщине, которая пришла к сельскому хирургу-фельдшеру не лечиться, а рассказать о своих переживаниях. Читала она неторопливо, как бы примеряясь к героям, но уже сочувствуя им, живя их волнениями. Слушая Раневскую, я по-новому воспринял рассказ героини. Раневская почувствовала в ней зощенковскую боль, которую не сразу и заметишь, ту частицу его «великой грусти», которую он всегда испытывал, видя ничтожность своих героев, смеясь над ними или сострадавая им.

— Вот видите, это совсем не смешно, — заметила Ф. Г. — А ведь вам нужно смешное — в Новый год люди хотят веселиться... Боюсь, что это не подойдет.

Я стал уверять, что программа вовсе не рассчитана на сплошной хохот, что в ней найдется место и лирике.

— Хорошо, — сказала она, — я еще подумаю, прочитаю, посмотрю. Здесь много замечательных рассказов, но боюсь, они не для меня — я ведь не чтица. Но я посмотрю еще...

